

Мариинка спасает престиж российской оперы ...но национальным достоянием ее не признают

Российские вести. — 1992. — 20 июля.

- Валерий Абисалович, можно ли ваши ощущения после гастролей в «Метрополитен» сравнить с тем, что испытывал Наполеон после Аустерлица?

- Ну, вряд ли... Я ведь не столь амбициозный человек и отнюдь не ставил своей целью кого-то там побеждать... Задача была гораздо скромнее: хотелось преодолеть комплекс неполноценности, характерный для сегодняшнего состояния «постсоветского» оперного театра. Думая об Америке, я представлял себе наш оркестр и оркестр «Метрополитен», который под руководством Джеймса Ливайна снискал себе особую славу. Хотелось, чтобы нас сравнивали не с Национальной оперой Санкт-Петербурга (как окрестил себя бывший Малый оперный, ныне - театр имени Мусоргского. - Д.М.), побывавшей там перед нами, а с «Метрополитен-Оперой». А там десятки самых звучных имен, и тот же Доминго, к примеру, поет чаще, чем здесь - Юрий Марусин... Надо было всем - и прежде всего самим себе - доказать, что у нас сильный театр, способный достойно показаться на любой сцене.

- Судя по американской прессе и многочисленным устным свидетельствам (в том числе и столь авторитетным, как, например, Ирины Архиповой), Мариинский театр сумел поднять сильно пошатнувшийся в последнее время престиж русской оперы на Западе. Тем более удивляет, что особо ценным объектом культурного наследия, величайшим национальным достоянием России объявляется лишь Большой театр. В этом качестве Мариинки как бы и вовсе не существует. И то сказать: Мариинка далеко, а Большой - вот он, рядом с Кремлем...

- Что ж, благодаря Указу нашего уважаемого Президента Большой театр оказался в привилегированном положении. Конечно же, он нуждается в государственной поддержке, но все-таки

«Единственная российская опера мирового класса сегодня - Кировская». Так писала нынешним летом газета «Нью-Йорк пост», впрочем, не одна она. Гастроли Мариинского театра (в мире его еще продолжают по инерции называть Кировским) на сцене «Метрополитен-Опера» иначе как триумфальными не назовешь. И это в первую очередь заслуга главного дирижера Валерия Гергиева, под руководством которого театр и достиг в последние годы уровня, сопоставимого с лучшим мировым. Впрочем, процесс этот начался еще при Темирканове, но именно Гергиев придал ему нынешний размах. Три-четыре оперные премьеры в сезон. Сотрудничество с крупнейшими театрами мира - прежде всего лондонским «Ковент-Гарден», с которым связано появление таких спектаклей, как «Борис Годунов» в постановке Андрея Тарковского, «Война и мир» и «Огненный ангел» Сергея Прокофьева. Собираение под свои «знамена» лучших сил едва ли не всех республик бывшего Союза. С Валерием Гергиевым беседует наш корреспондент Дмитрий МОРОЗОВ.

не больше, чем Мариинский. А заслуг у него уж точно не больше - это я могу утверждать, глядя в глаза коллеге Лазареву или директору Коконину, который, будучи администратором умным и ловким, сумел «возвыситься» Большой над Мариинским. Впрочем, лично я рад за наших коллег, но... Никому еще не удавалось перехитрить всех: многие тысячи людей могут сами воочию убедиться, что сегодня на сцене в Большом, и что - у нас...

Конечно, мы будем предпринимать усилия, чтобы как-то выровнять ситуацию. Речь ведь идет о серьезнейших вещах. Большой театр, например, отныне не обременен пятидесятипроцентным налогом на валютные доходы. Это же огромная разница - выплачиваете вы половину всей заработанной валюты государству или вас от этого освобождают. На эти деньги мы могли бы удержать здесь своих лучших певцов. Они бы чаще выступали, мы платили бы им, как они того заслуживают - в том числе и в валюте. Я уж не говорю о приглашении к нам крупнейших певцов

и дирижеров с Запада, которые сейчас, если иногда и приезжают, то за чисто символическое вознаграждение или даже вовсе бесплатно... Словом, наши творческие возможности существенно бы расширились. Мы давно уже думаем о том, чтобы у Мариинского театра был филиал... В общем, такое искусственное усиление позиций и возможностей Большого по сравнению с Мариинским - оно не по делам, не по заслугам, не по жизни!

- Каким видится вам будущее Мариинского театра?

- Очень трудно сказать. Это ведь зависит и от того, что будет происходить в России. Но надеюсь все же, что удастся постепенно «выйти на асфальт», чтобы нас не лихорадило постоянно, как сейчас: бюджет худой, костюмы не на что шить и т.д.

Главное, чтобы не прерывался тот процесс, который сейчас идет довольно интенсивно, хотя и рывками. Мы постоянно что-то выдаем, и я готов согласиться, что количеством это иногда впечатляет больше, нежели посто-

янным качеством. Но оно и невозможно сегодня ни в оркестрах, ни тем более в театрах. Невозможно, потому что никому не удастся задержать здесь все наши лучшие силы и заставить, к примеру, Ольгу Бородину петь двенадцать спектаклей в месяц, а Григоряна - десять. Это сегодня нереально...

- В прошлом году вы привлекали к работе в театре западных режиссеров. В том числе и к постановке «Войны и мира» - опыт интересный, хотя и не беспорочный. Но вот сейчас вы намечаете к юбилею Римского-Корсакова постановку целого цикла его опер. Допускаете ли вы и здесь возможность привлечения западных режиссеров?

- Не хотелось бы. Не будучи членом общества «Память», я бы хотел все же, чтобы это были русские постановщики. Но, что касается конкретных имен, у меня еще нет полной ясности.

- И с «Садко»? Ведь уже в марте - премьера...

- Да, и я принял такое, быть может, ошибочное, решение. Я отсмотрел не-

давно в нашем музее все сохранившиеся эскизы Константина Коровина, и мне показалось, что эта стилистика, этот язык вовсе не устарели. И вот теперь Вячеслав Окунев работает над художественным оформлением на основе этих эскизов. Возможно, это - рискованный путь, но я все время нахожусь как бы на распутье: налево пойдешь, направо пойдешь... Налево мы уже сходили - очень удачно, мне кажется, - с «Огненным ангелом» Прокофьева. А вот с «Садко», думаю, нужно идти совсем в другую сторону.

- Что ж, по крайней мере затихнут на какое-то время ваши оппоненты справа... А что вы скажете относительно звучащего нередко упрека, что-де Мариинка сегодня почти недоступна для рядовых петербуржцев?

- Такая проблема действительно существует. Цены на билеты, как, впрочем, и на все остальное, возросли многократно, но театр тут же постарался как-то уравновесить эту тенденцию большим количеством общедоступных концертов - променад-концертов, как их еще называют. Традиция эта восходит к девятнадцатому веку, к бесплатной музыкальной школе, связанной с именами Балакирева, Римского-Корсакова и других замечательных российских музыкантов. Мы устраиваем такие концерты один-два раза в месяц, и они пользуются успехом. Следующим шагом в этом направлении должны стать общедоступные спектакли.

- Какие названия появятся на ваших афишах в ближайшие годы?

- Помимо «Садко» и возобновляемой сейчас «Псковитянки» - «Сказание о невидимом граде Китеже», «Руслан и Людмила», но это уже в будущем сезоне. В феврале выпускаем «Волшебную флейту» - совместная работа с Землеровской оперой в Дрездене. Надеюсь, что моцартовская линия в репертуаре будет в самом скором времени продолжена «Свадьбой Фигаро». Обязательно появится и одна из опер Россини - возможно, это будет «Золушка», для

Ольги Бородиной, а может даже, я решусь взяться за «Путешествие в Реймс» - самую мою любимую у Россини, но и самую трудную оперу, требующую целого созвездия первоклассных солистов. Ведем переговоры о совместных постановках с «Ла Скала», с Флорентийской оперой, Гамбургской...

- У вас сегодня высокий рейтинг в мире, вы дирижируете лучшими оркестрами - Берлинским филармоническим, Лондонским, Чикагским... Может ли так сложиться, что вы оставите этот театр и полностью переберетесь на Запад?

- Если однажды я вдруг почувствую, что уже ничего не могу дать этому творческому организму, то серьезно задумаюсь, не пора ли уступить место кому-нибудь более вооруженному интересными идеями, энергией... Конечно, я устаю иногда, но, слава Богу, не чувствую пока недостатка сил; порой раздражаюсь, бываю резким, даже грубым, но, честное слово, не испытываю к кому-либо непримиримой вражды. Я люблю этот коллектив, уважаю, многим ему обязан. И мне не хотелось бы сейчас даже гипотетически говорить об уходе - по крайней мере ближайшие пять-шесть лет...

Понимаете, и меня, и всех нас удерживает в этих стенах то ощущение, что именно здесь можно спокойно, без оглядки на бешеные гонорары и империари, всерьез заниматься искусством. Вот мы сейчас, к примеру, будем делать «Осуждение Фауста» Берлиоза (пока - в концертном исполнении) - колоссальный труд для всех, но, думаю, в конце концов все наши усилия окупятся сторицей - радостью творческого контакта с величайшими произведениями музыкального искусства. Мы - артисты, ремесленники (в хорошем смысле слова) - хотим делать свое дело так же, как делали его пятьдесят, сто, триста лет назад. Какие бы ни были времена - музыкант должен заниматься музыкой.

Фото Александра Ратникова.